

классическое наследие

Теплова Анна Борисовна,
*аспирант ФГНУ «Институт
психолого-педагогических проблем детства РАО,
старший научный сотрудник ИППД РАО
abteplova@mail.ru*

**Образный мир традиционных колыбельных песен
как основа становления картины мира ребёнка**

Становление картины мира ребенка стоит в непосредственной связи с процессами освоения культурного наследия. Вопрос о том, как «мы вступаем во владение культурным богатством, добытым ранее жившими поколениями; каким путем происходит это унаследование – передача и принятие» является одним из ключевых, по мнению известного этнолога Г.С.Виноградова [3, с.10]. Для ученого очевидно, что этот процесс происходит в детстве и потому детский возраст имеет самодовлеющее значение и требует системного изучения.

Сегодня разрушение традиционных форм общественного и домашнего воспитания, смена мировоззренческих ориентиров, агрессивное воздействие информационной среды приводят к деформации детского представления о мире, что делает актуальными задачи изучения и корректировки условий формирования детской картины мира. Детская картина мира – это особая система значений, представлений, отношений ребёнка к окружающей среде, другим людям и себе самому в определённой социальной ситуации развития [1].

В своём исследовании мы обращаемся к педагогическому потенциалу русской традиционной культуры, которая накопила уникальный опыт формирования детской картины мира. Народная педагогика и психология имеют антропологические основания. В них осуществляется бережное развитие индивидуальности ребёнка, формирование личностных качеств как развитие «собственно человеческого в человеке» [10]. Главным средством формирования картины мира ребенка на раннем этапе онтогенеза в традиционной культуре является материнский фольклор, имеющий колоссальное значение, т. к. он формирует картину мира ребенка посредством слова, задает принципы познания мира через игровую деятельность, способствует формированию представлений о

собственной телесности у ребенка, запускает механизм рефлексии, готовит к игре как знаково-символической деятельности.

Исследователи детской картины мира утверждают, что «возникшая в сознании ребенка картина мира в значительной степени зависит от освоенных им *текстов*» [Т.Д.Попкова]. Мы рассмотрим тексты традиционных колыбельных песен с точки зрения экспонирования ими основных составляющих элементов картины мира: образов, ценностей, представлений, смыслов и категорий. Основанием для исследования стало утверждение исследователя детского фольклора В.П.Аникина [4, с. 8] о том, что, при всей вариативности колыбельных песен, все известные тексты можно сократить до двух десятков основных сюжетных тем, что говорит об однородности корпуса текстов на большой территории и позволяет делать необходимые обобщения.

Анализ текстов показал, что описываемый в колыбельных мир как бы разделен на различные, но взаимосвязанные и взаимопроникающие сферы: духовную, социальную и сказочно-мифологическую. В первой – духовной сфере – даны основные *образы* христианского мира: Бог, Богородица, почитаемые святые (святитель Николай, Косьма и Дамиан), а также архангелы и ангелы.

Рассматривая ситуацию исполнения колыбельной песни как коммуникативный акт между исполнителем, ребенком и сакральными силами, представленными в тексте, видим, что представители христианской традиции в основном призываются для исполнения *функций защиты и заботы* о ребенке. Мать или няня активно подключает их к уходу за ребенком. Она поручает заботу о младенце ангелам и архангелам: «С неба ангелы летите, сон Ванюше принесите», «Ангелы-хранители, Ваню не будите вы». Текущие заботы о младенце могут передаваться также Богородице: «Богородица Мария, уложи дитя скорее на всю темную ночь, на весь белый день» [4, с. 62–63], «повали ребѣнка спать да на шелковую кровать». Сам Бог, ангелы, а также некоторые почитаемые святые крестьянского мира «Микола, Михайло Архангел, Кузьма и Демьян» призваны сохранять здоровье и благополучие ребенка. «Они тебя хранят, они и милуют от болезней от скорбей, от тяжелых болестей» [4, с. 62]. Как видим, уже в самых первых текстах, предлагаемых входящему в мир человеку, позиционируется сила (сила Божья в конечном итоге), которая со временем будет раскрываться как главная в обеспечении его безопасности и станет занимать доминирующее – «верхнее» – иерархическое положение в картине мира человека, став его главной ценностью.

Именно с образами христианского мира связывается появление ребенка на свет и объясняется как дар Божий:

Бог тебя дал,

Христос даровал,
Пресвятая Похвала –
В окошечко подала
Иванушкой назвала [4, с. 65].

Представление о сакральном происхождении жизни является одним из важнейших в крестьянской картине мира, так как подчеркивает временность пребывания человека в этом мире и неизбежность возвращения в небесное отечество.

Немаловажно, что сами носители традиционной культуры, несомненно, уверены в бытии незримого «горнего» мира, задающего нормы земной жизни. Эта крепкая вера усиливает воздействие духовной сферы колыбельных при восприятии их ребёнком и институционализирует этот «горний» мир как несомненно и естественно существующий. Особенность русской модели мира заключается в том, что «объекты мироздания бывают двух типов – видимые (и осязаемые) и невидимые, неосязаемые, причем реальность объектов второго типа ничуть не меньше, чем реальность обычных, видимых предметов» [9, с. 25]. Утверждение сосуществования видимого, материального мира и невидимого, идеального заключено в текстах колыбельных песен, предлагаемых входящему в мир человеку. Ребёнок же, по смыслу духовной сферы колыбельных текстов, оказывается *символом* связи этих двух реальных миров – невидимого мира христианских образов (дарящих его, именующих и охраняющих) и зримого мира семьи и социума (которым поручено Богом воспитание и образование ребёнка).

Во второй – социальной сфере – представлены образы ближайшего окружения ребенка – его семьи. А также впервые задается образ окружающего ребенка пространства, определяется локус его развития, перспективы его будущего. Предъявляются такие значимые для картины мира категории, как труд, достаток, благодарность. Отношения, выстраиваемые в социальной сфере, приобретают ценностную окраску.

Социум в образном мире колыбельных представлен *семьёй*.

А баю-баю-баю,
Дед пошёл за рыбою,
Бабушка коров доить,
Ну, отец – дрова рубить [12].

Из этого текста ребенок узнает, что его семья большая: есть мать, которая поет ему колыбельную песню, отец, бабушка и дед. Это зримый образ большой *трехпоколенной семьи*. Все заняты работой: мать качает ребенка, отец рубит дрова, бабушка доит коров, а дед ушел ловить рыбу. Вся деятельность этой трудолюбивой семьи направлена на обеспечение жизни – еду и тепло. В описании семьи и ее деятельности можно увидеть и

само *пространство дома*, в котором находится ребенок, и *пространство крестьянского двора*. Там находится корова, которую доит бабушка, там же рубит дрова отец. Есть еще более от дома *отдаленное пространство* – с рекой, полной рыбы, за которой ушел дед. Это расширяющееся пространство мира не враждебно ребенку – напротив, оно является воплощением разных степеней защиты ребенка, находящегося как бы в самом его центре, поскольку заполнено близкими ему людьми. Такое центрированное пространство характерно для традиционной картины мира [2]. Так в трех строках предельно простой колыбельной песенки предъявлен ряд образов окружающего ребенка мира, выстроен целый мир семьи, дома, хозяйства и дальнего обжитого пространства.

Образ мира, построенный в этой колыбельной песне, гарантирует ребенку безопасность, укрепляет базовое чувство доверия к миру [11], которое с психологической точки зрения является основанием дальнейшего гармоничного развития ребенка. «Главной личностной задачей младенческого периода является формирование так называемого "базового доверия к жизни" – интуитивной уверенности человека в том, что жить хорошо и жизнь хороша» [6, с. 23].

Очевидной ценностью в картине мира, выстроенной в текстах колыбельных, выступает *труд*. В колыбельных песнях трудятся все: и семья, и ангелы, и котенька-коток. Сам ребенок представляется в будущем прекрасным работником – «паренек – всему миру пахарек», «девушка – пряха-попрядеюшка». Тема труда в колыбельных песнях связана с темой помощи своей семье и, как следствие, совместной работой с ними и с категорией «достатка-богатства». В широко распространенном тексте колыбельной о мужике, у которого «много ребят, все по лавочкам сидят», задается и императив отношения к богатству как к достатку. Этот мужик обычно «не беден, не богат» [7, с. 75–77], что соответствует крестьянскому отношению к чрезмерному богатству как к нравственному испытанию. В этой же семье все детки «по лавочкам сидят, кашку с маслицем едят» [7, № 193], да так что «ложка гнется, сердце бьется, душа радуется» [7, № 194]. Один из вариантов этого текста приравнивает это житье к райскому.

Баю, баюшки, баю,
Жил мужик-то на краю.
На краю на краюшку, да
Он у Бога в раюшку [5, с.113].

Итак, в корпусе текстов, связанных с социальной сферой, ребенок получает образ полной трехпоколенной семьи как идеальной нормы в крестьянской картине мира. Вокруг семьи выстраивается модель пространства – дом, хозяйство и обжитое пространство. С ней связано и будущее ребенка. Принимая во внимание семантическое единство

контентов «Дом» и «Семья», можно говорить о том, что семья выступает главной ценностью в предлагаемой ребенку картине мира. Время в колыбельных песнях в основном нацелено на будущее, которое представляет ребенку пространство социальных отношений и таких ценностей, как труд, благодарность, помощь, достаток. Безусловно, этот мир более близок и ребенку и взрослому, поющему колыбельную, чем мир духовной сферы, но главная функция по отношению к ребенку одинакова в обеих сферах – это функция защиты и охранения.

В третьей – сказочно-мифологической сфере колыбельных текстов – представлен мир, который противопоставлен миру семейному и «небесному» христианскому. Здесь действуют антропоморфные и зооморфные персонажи. Прежде всего это антропоморфные персонификации сна – Сон и Дрёма. Их призывает ухаживающий взрослый для того, чтобы они принесли ребенку сон. Они приходят из чужого пространства, которое в традиционной картине мира связывается с представлением о «том свете». Здесь существенной является аналогия сна и смерти, характерная для традиционной картины мира. Эти персонажи хоть и не агрессивны по отношению к ребенку, но все же не принадлежат к своему семейному пространству и вводят в смысловой ряд колыбельных текстов оппозицию «свой – чужой».

Противопоставление «своего» и «чужого» еще более открыто проявляется в текстах, представляющих зооморфные и антропоморфные персонификации опасности и агрессии «волчка», «буки», «Бабая», «Мамая» и пр. Эти персонажи обычно появляются из чужого, неприятливого к ребёнку пространства («лесок», «заморье», «край»). С ними связаны осуждаемые и агрессивные действия («украдет сметанку», «укусит за бочок», «унесёт во лесок», «хочет забрать»). Однако всем этим агрессивным действиям, исходящими из чужого пространства, противостоит ухаживающий за ребенком взрослый. Он прогоняет Буку «за сарай». «Поди, бука, на сарай, коням сена надавай» [7, № 40] Бука или Бабай никогда не получают ребенка, поскольку «мы его не отдадим, пригодится нам самим». Бабай, или Балабай, садится играть в балалаечку, чтобы «потешать» младенца, а волчок в лесу находит поясок, вешает его на люленьку и заботливо качает малыша.

Придет серенький волчок,
Тебя схватит за бочок,
Унесет во лесок,
Найдет серый поясок
И повешает на люленьку
И станет качать,
Приговаривать,

Прибаюкивать [12].

Главным домашним зооморфным персонажем, действующим в этом пространстве, является кот. С одной стороны кот – хранитель сна, его монопольный обладатель. Хотя он принадлежит миру семейному, однако действует в пространстве сказочно-мифологическом. Лейтмотивом сюжетов, связанных с образом кота, становятся дихотомии: проступок – наказание; труд – безделье. В большинстве колыбельных о коте рассказывается о его неблагоприятных поступках (воровстве, непослушании) и о неминуемо следующем за ним наказании. Важно, что тема наказания за проступок дана ребенку опосредованно, через сказочно-мифологические образы. Колыбельные песни как бы утверждают, что наш младенец не такой, он самый лучший, поэтому его нет смысла бранить. «А баю-баю-баю, не ругаю, не браню. Не ругаю, не браню, все желаньицем зову» [7, № 120]. Многие сюжеты колыбельных с мифологическими и сказочными персонажами станут впоследствии первыми играми пестуний, в которых будет проигрываться мотив проступка и наказания, а также опасности и способов ее преодоления.

Анализ текстов колыбельных песен показал, что с их помощью ребёнку передаются основные базовые понятия о традиционной модели мироздания, о месте ребенка в нём, о социальных и нравственных нормах, о добре и зле.

В традиционном мировоззрении мир представляется разделенным на три части: верхний, сакральный мир; мир человеческий, занимающий срединное положение, и нижний мир, населенный мифологическими персонажами. Этим представлениям соответствует отмеченное нами деление образного мира колыбельных песен на три сферы: духовную, социальную и сказочно-мифологическую. Наличие такой иерархической конструкции позволяет говорить о соотнесенности образа мира, выстраиваемого в колыбельных песнях, с общим традиционным представлением о мире.

В колыбельных песнях ребенку задаются нравственные основы поведения, определяющие отношения взрослых к социально осуждаемым действиям, к труду, к отношениям, к младшим и старшим. Пение, состояние покоя и единения, свойственное колыбельным песням, есть важнейшее условие установления новых связей младенца с взрослым и миром. С психологической точки зрения, по мнению М. В. Осориной, в момент укачивания и пения колыбельных ребенок находится в особом расслабленном состоянии предсонья, что помогает ему сосредоточиться на голосе любимого взрослого. «Интонация, слова, образы песни беспрепятственно проникают внутрь одушевленного тельца ребенка, буквально пропитывая его и закрепляясь в самой глубине его существа» [6, с. 25].

В традиции народной педагогики введение ребенка в наследование культурой начинается в самом раннем возрасте через формирование у него целостной картины мира, которое осуществляется в системе ценностных ориентиров, составляющих «собственно человеческое измерение». Педагогический потенциал материнского фольклора, заложенный в ценностно-смысловом содержании его текстов, проявляется и раскрывается в игровом взаимодействии с воспитывающим взрослым в со-бытийной детско-взрослой общности. Мать или няня посредством пения вводят ребенка в мир культуры, мир ее образов и смыслов. Раскрытие этих смыслов происходит позднее, в эмпирическом опыте ребенка

Литература

1. Абраменкова В.В. Духовно-нравственное развитие ребёнка в пространстве его отношений с миром // в сб. Антропологические основы развивающего дошкольного образования. М., 2009.
2. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
3. Виноградов Г.С. «Страна детей» избранные труды по этнографии детства, СПб., Историческое наследие, 1999.
4. Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып.1. Младенчество; Детство – сост. В.Аникин. – М.: Худож. лит. 1991. – 589 с.
5. Науменко Г. М. Детский музыкальный фольклор. Ч. I-II. - М.: Композитор, 1999. ч.I. – 552 с. илл., нот.
6. Осорина М.В. Секретный мир детей в пространстве взрослых. 5-е изд. – СПб.: ПИТЕР, 2010.
7. Потешки. Считалки. Небылицы / сост., авт. вступ. Статьи и примеч. А.Н.Мартынова. – М.: Современник, 1989. – 349 с. – Классическая б-ка «Современника».
8. Попкова Т.Д. Философско-антропологические аспекты детства // Антропологические основания теоретического мышления: материалы научной конференции (г. Екатеринбург, 16–17 ноября 2004 г.); Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ-УПИ, 2005, с. 223–225.
9. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира: аналогия в семантике, М., РГБ 2004.
10. Слободчиков В.И. Психологические проблемы становления внутреннего мира человека. – Вопросы психологии, 1986, № 6, с. 14–22.
11. Эриксон Э. Г. Детство и общество / пер. [с англ.] и науч. ред. А. А. Алексеев. – СПб.: Летний сад, 2000.
12. Колыбельная песня: аудиозапись исполнения// личный архив автора. АФ – 54: Калужская обл., село Бережки, Мальцева М.И.